

3. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП, 1996. 240 с.
4. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 131 с.
5. Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1, 2. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/M/1992-1-12-Matz-Ideologii_kak_determinanta_politiki.pdf (дата обращения: 17.06.2018).
6. Гандл С. Гламур. М.: НЛО, 2011. 384 с.
7. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М.: Водолей, 2011. 208 с.
8. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 234 с.

ТЕНДЕНЦИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ГРНТИ 02.31.21
УДК 001.3+378.1

Н.П. Суханова
НИНХ, Новосибирск

СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье рассматривается наука как социальный институт. Взаимоотношения между обществом и социальным институтом науки чрезвычайно важны, наука нуждается в положительной оценке общества и его поддержке. Анализируются материалы по истории русской науки XVIII–XIX вв. Акцентируется внимание на неразрывной связи отечественной науки с системой образования. Обнаруживается изменение культурного климата и системы ценностей в общественном сознании эпохи в отношении к науке и образованию.

Ключевые слова: наука, социальный институт, образование, ценности, общество, культура.

Современная наука возникла на определенном этапе исторического развития, зародившись в то время, когда не было еще науки как массового социального института. «В России современная наука, являющаяся особой рациональной интеллектуальной системой, европейской по происхождению, появилась отнюдь не в благоприятном интеллектуальном окружении. Однако рационализирующее воздействие науки на это окружение привело к его качественному изменению» [1, с. 136].

Знаменательным событием в истории науки и образования в России является появление в 1725 году Академии наук. В Петербург прибыло 16 членов Академии, среди них были такие известные ученые, как математики Христиан Гольдбах, Даниил и Николай Бернулли. Петр I долгое время колебался – быть ли Академии только собранием ученых, то есть исследовательским учреждением, или высшим учебным заведением.

В Западной Европе термин «Академия» употреблялся в обоих смыслах [2, с. 16].

В 1724 году Л.Л. Блюментрост представил Петру I проект Положения о будущей Академии наук, впитавшей идеи и предложения императора и других лиц из окружения царя. Проект об Академии наук, которая должна была совмещать функции научного учреждения, университета и гимназии, не копировал структуру западных научных учреждений, а был вполне оригинальным. Как отмечает Ю.Х. Копелевич, здесь впервые была сформулирована основная особенность Академии в сравнении с другими академиями Европы: соединение в ней академии и университета, т. е. выполнение одним составом ученых, на одной материальной базе двух функций – исследования и обучения [3].

Цель Академии, как представлял ее Петр, была просветительской: ученые напишут учебники, обучат русских студентов, которые затем сами будут учить следующих учеников. Петр просто «привез» науку в Россию, как он привозил и другие новшества, не задумываясь о последствиях [4].

Наука – это особый социальный институт, становление которого требует, во-первых, возникновения научного сообщества ученых, во-вторых, появления институтов, благодаря которым наука функционирует как социальный организм (университетов, лабораторий, библиотек, музеев и т. п.), в-третьих, она требует существования определенного «аксиологического пространства», в рамках которого занятие наукой оценивалось бы обществом положительно [5]. Ничего этого в России XVIII века не было. Просвещение, введенное по декрету императора, долго не входило в быт модернизируемой русской культуры. Для этого не было подходящего социального материала.

Казалось бы, государственный план предусматривал стройную систему подготовки и воспроизводства научных кадров. При Академии был учрежден университет, при университете – гимназия. Однако если в 1726 г., когда была открыта гимназия, в ней насчитывалось 112 учащихся (правда, преимущественно детей иностранцев, живущих в России), то через три года число их упало до 74, а в 1737 г. – до 19.

Академический университет был в еще более тяжком положении: в течение первых 6 лет училось 8 студентов, прибывших из Германии, в 1731 г. – ни одного. Не в лучшем положении был и Московский университет, созданный по проекту Шувалова и Ломоносова и открывшийся в 1755 г. В 1758 г. студентов (преимущественно детей дворян) было около 100. Но вскоре и здесь мода на образованность и надежды на получение хорошей должности по окончании курса пошли на убыль. Иногда приходилось по одному студенту на факультет, а всего факультетов было три [6, с. 276].

Потребности в высшем образовании еще не было в самом обществе: правительство нуждалось в нем, как прежде, лишь для целей государственной службы, а люди из «общества» привыкли смотреть на службу как на привилегию известного общественного слоя и отнюдь не хотели – в самый расцвет дворянских вольностей – связывать службу с дипломом.

С «привезенной» наукой тоже возникло немало проблем. С одной стороны, активно действующая Академия наук произвела удивительный «скачок» в развитии естествознания на русской почве: от элементарных математических знаний, распространяемых учебниками Магницкого и Фарварсона, сразу к исследованиям в области математического анализа, теории гравитации и т. п. Высокий авторитет Санкт-Петербургской Академии XVIII века в западном ученом мире не подлежит сомнению. Ничего удивительного, ибо персональные «вклады» Л. Эйлера, Хр. Гольдбаха, Д. Бернулли и других первоклассных исследователей входили теперь в фонд русской науки. Однако для занятий наукой ученым не были созданы подходящие условия. Часто научная информация объявлялась секретной. Так почти постоянно происходило с материалами географических экспедиций. Рабочие часы академиков должны были строго учтены, а нарушители регламента – наказаны.

Образование и наука понимались исключительно утилитарно. В петровские времена и позже, до середины XIX века, это был утилитаризм обыденного сознания, после – осознанный рационализированный утилитаризм.

Науку старались подчинить практическим целям. П.П. Пекарский отмечает, что на ученых было возложено множество не научных задач. Академики приглашались на освидетельствование мертвых, они должны были сочинять похвальные стихи на торжественные даты, составлять астрологические календари и т. д. «Наука подчинялась подобным требованиям, потому что была лишена поддержки общества; интересы чисто ученые были чужды толпе, не понимавшей прямого назначения науки и часто гордой только своим невежеством» [7, с. 136].

Однако наука должна быть ориентирована прежде всего на познание объектов и процессов произвольной природы, представляющих интерес для отдельных групп или человечества в целом. Конечная цель – постижение объективной истины. Прагматический же успех возникает как следствие применения и использования научных истин. Общество видело главный «недостаток» Академии в том, что ее ученые занимаются преимущественно наукой для науки. «Только тогда Академия принесет пользу Отечеству, когда, прекратив издавать трактаты о различных научных мелочах, она станет знакомить Россию с новейшим состоянием наук, имея в виду потребности общества» [5, с. 63]. Но наука и просвещение – «вещи» разные. Ученым приходилось оправдывать свою деятельность, например, пользой.

Кроме того, следует отметить, что наука может существовать только в определенных социально-экономических условиях. К таким обычно относят основанную на свободном обмене капиталистическую экономику; децентрализацию власти, позволяющую науке завоевать автономное социальное пространство. Так, в 1903 г. Д.И. Менделеев писал: «В стране с неразвитою или первобытною правительственною машиною и промышленностью нет спроса для истинного образования, особенно высшего, и там, где господствует власть и формализм, самостоятельные специалисты с высшим образованием не находят деятельности в общественных и государственных сферах, а потому впадают в метафизические абстракты и уродливые утопии или просто в отчаяние и излишества, а в лучшем случае – в ненужную диалектику и декадентское празднословие. Истинно образованный человек, как я его понимаю в совершенном смысле, найдет себе место только тогда, когда в нем с его самостоятельными суждениями будут нуждаться или правительство, или промышленность, или, говоря вообще, образованное общество; иначе он лишний, и про него писано «Горе от ума» [8, с. 225–226].

«Так ли безоблачно и поступательно восхождение русской науки от Ломоносова до наших дней»? [9, с. 34]. В России до второй половины XIX века не было подобных факторов и условий, составляющих необходимую среду для формирования и воспроизведения института науки. Отдельные, часто блестящие элементы науки могли существовать как элемент «импорта», начатого петровской модернизацией, но и они постоянно растворялись и отторгались социальной, экономической и культурной средой [5, с. 52–55]. Внедрение науки в российскую культуру происходило медленно и болезненно, наталкиваясь на недоверие, непонимание, и даже враждебность со стороны духовных традиций, моральных устоев, всего уклада русской жизни. Ценностный

статус науки, ориентированной на рациональное исследование, проникающее в любые сферы природы и общественной жизни, противоречил и традиционным ценностям русской культуры допетровской эпохи, и сугубо прагматическим ориентациям самих реформаторов. В этом российская ситуация отличалась от западноевропейской, где наука со времени Фомы Аквинского, но главным образом благодаря идеям Реформации, имела религиозную и культурную «санкцию».

Противоречие между наличной культурой и внедряемой цивилизацией преломлялось в самой русской науке, тормозило ее развитие. Российская наука набрала темпы количественного и качественного роста только полтора столетия спустя – с началом новых общественных процессов, связанных с реформой 1861 года. Но в течение этого долгого периода влияние науки, несмотря на трудности роста и противоречия, все же сказывались на формировании новой культуры, новых духовных ориентиров в России. «Российская наука, – пишет В.Н. Порус, – постоянно испытывала на себе влияние «раскола» между укоренявшейся в России цивилизацией западного образца и культурными основаниями, на которых строила свою жизнь основная масса населения» [10, с. 494].

Одним из факторов становления науки как социального института является организация систематического образования подрастающего поколения. История науки тесно переплетается с историей школьного и университетского образования, имеющего своей непосредственной задачей обучение, «научение», передачу накопленных знаний, формирование слоя людей, способных к интеллектуальному труду и т. д. Для того чтобы наука функционировала нормально, необходим класс людей, имеющих достаточно высокое образование и желающих заниматься наукой, и обратная зависимость: если нет людей, для которых образование является самоценностью, то нет и науки. Отношение к науке и образованию менялось в течение XVIII–XIX вв. в русском обществе.

Просвещение долго не входило в быт русской культуры. Потребности в высшем образовании еще не было в самом обществе (количество обучающихся в университете было очень мало и постоянно уменьшалось). «Среда», общество не поддерживает, не принимает науку, научную деятельность, ученых, что существенно сказывается на положении науки. Даже в начале XIX века ситуация с образованием практически ничем не отличалась от положения вещей в прошлом столетии. С планом государственного переустройства выступил М.М. Сперанский. В записке «Об усовершенствовании общего народного воспитания», составленной им в 1808 г., высказывалась необходимость увеличения числа училищ, библиотек, учебных заведений, а также

стремление пробудить сознание некоторой моральной потребности образования. По его убеждению, корень зла заключался в том, что юноши не тяготели к образованию, поскольку все успехи гражданской службы измерялись чинами, с которыми были связаны все выгоды. Чины же давали большей частью по летам службы, поэтому дворянство как можно раньше записывало своих детей на службу, а это мешало основательному и требующему времени обучению [11, с. 58]. И Сперанский выдвинул главным требованием служебного продвижения высшее образование.

Указ Сперанского повышал авторитет университетского образования, поскольку образованность стала конкурировать с родовыми титулами. Новый порядок чинопроизводства ставил служебную карьеру дворянства в зависимость от условий, общих для лиц всех сословий, допускаемых в университеты. Идя навстречу дворянскому сословию, правительство учредило при отечественных университетах «благородные пансионы», которые вскоре превратились в самостоятельные учебные заведения. В итоге благородные пансионы растут в ущерб университетам и гимназиям, а частные пансионы – в ущерб всем остальным [12, с. 288]. Пансионы отвечали требованиям зажиточных классов, обучая новым языкам и хорошим манерам. Эти качества ценились больше, чем образованность и эрудиция. Университет не имел успеха, о чем говорят и цифры. Старый Московский университет, имевший в 20-х гг. XIX в. 700–900 студентов, был в этом случае исключением; новые университеты насчитывали в первое десятилетие своего существования всего по несколько десятков слушателей: и ко второму десятилетию число последних едва перевалило за сотню. Это было естественно, особенно ввиду новой политики правительства, закрывшего доступ в гимназии «детям несвободных состояний».

Дворянство, стремившееся в военную службу, предпочитало специальные учебные заведения, которые правительство охотно открывало. Для чиновников заведены были особые упрощенные курсы. А лица, желавшие обеспечить детям не одну только карьеру, но и правильное воспитание, предпочитали частные пансионы.

Но и при всем желании для успешных занятий в университете у слушателей не хватало надлежащей подготовки. Гимназия в лучшем случае выпускала их с механически вызубренной номенклатурой знаний, которая скоро испарялась из памяти. Таким образом, в университете вместо прохождения университетского курса студентам приходилось прежде всего повторять гимназические предметы, или так называемый приготовительный курс [12, с. 289]. Этим курсом часто, как, например, в Казанском университете первых годов, и кончались все занятия в университете. До «специальных» факультетских курсов доходили только наиболее усердные студенты.

Но тут являлось новое препятствие. Специальные курсы читались приглашенными из-за границы профессорами преимущественно на латинском языке. А в латинском языке студенты были еще слабее чем в новых, которых они, впрочем, тоже почти не знали. Что же было делать? Понятно, что при этих условиях профессору приходилось сначала диктовать латинский текст лекции, а затем дважды объяснять его: по-немецки той части аудитории, которая не училась французскому языку и по-французски другой части, которая не училась немецкому. И при всем том содержание лекции должно было оставаться для слушателей в тумане. Позже на одном из съездов русских естествоиспытателей и врачей известный геолог Г.Е. Щуровский скажет о значении родного языка для науки: «Самое могучее средство для популяризации – родной язык... Язык каждого народа необходимо имеет свой особенный характер, не повторяющийся ни в каком другом языке и исключительно понятный тому народу, которому он принадлежит и для которого он служит внешним проявлением его духа или характера. Самый близкий и верный перевод оригинального произведения никогда не может быть дать полного понятия о подлиннике... Нельзя не пожалеть, что мы свое родное слово, обладающее почти всеми свойствами древних и новых языков, так неблагодарно меняем иногда на другие языки... Пища на иностранных языках, мы никогда не выработаем для себя надлежащего научного языка» [13, с. 37–38].

Первым своим расцветом университеты были обязаны молодым профессорам, посланным за границу для подготовки к ученому званию. От этих командировок появились существенные перемены, давшие таких замечательных ученых, как Пирогов, Грановский и т. д. Однако успеха могло бы и не быть, если бы профессора, как и раньше, читали перед пустой аудиторией. Самое важное было то, что тут впервые выросло целое поколение молодежи, которое обратилось за удовлетворением своих идеальных устремлений к университетской науке. Только к середине XIX века происходят позитивные перемены в отношении общества к образованию и науке. В России начинает реализовываться идея Бэкона, который говорил о том, что наука может принести пользу обществу, но это потребует ответных мер и со стороны общества. Общество должно прежде всего обеспечить научные сообщества материально. Однако покровительствовать науке – значит укреплять и обеспечивать деятельность научных учреждений еще и в моральном плане, ибо они являются хранителями знания и способствуют его приумножению, а значит, особое внимание необходимо уделять социальному статусу ученых и преподавателей, представлению ученым определенных прав и привилегий.

Библиографический список

1. Суханова Н.П., Сапрыгин Б.В. Российская наука и образование в XIX в.: конфликт традиционных ценностей и пореформенных устремлений // Философия образования. 2015. № 6 (63). С. 134–145.
2. Во главе первенствующего ученого сословия России: Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, 1725–1917 гг. СПб: Наука, 2000. 206 с.
3. Копелевич Ю.Х. Удалось ли Петру I «построить водяную мельницу, не подведя к ней канала»? // Науковедение. 1999. № 4. С. 144–155.
4. Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX вв.). М., 1997. 264 с.
5. Кузнецова Н.И. Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 49–60.
6. Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. 592 с.
7. Жданова Л.В. П.П. Пекарский – историк науки и просвещения // Архив истории науки и техники. М., 1997. Вып. 2. С. 128–139.
8. Менделеев Д.И. Заветные мысли. М.: Мысль, 1995. 416 с.
9. Филатов В.П. Образы науки в русской культуре // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 34–47.
10. Порус В.Н. Наука как культура и наука как цивилизация // Философия науки. Методология и история конкретных наук. М.: «Канон+», 2007. С. 480–501.
11. Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М.: Наука, 1990. 238 с.
12. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2, ч. 2. М.: Прогресс-Культура, 1994. 496 с.
13. Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд. М.: КРОН-ПРЕСС, 2001. 875 с.

УДК 630:93/94:930.25

ГРНТИ 12.41.21

М.Ю. Киселев
ИС АРАН, Москва

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛЕСА В АКАДЕМИИ НАУК СССР

В статье представлена информация о хранящихся в архиве Российской академии наук документах по истории организации научных исследований леса в Академии наук СССР (АН СССР). Приведены сведения о совещаниях Комиссии